

Виктор КОРОТАЕВ



**МИР,
КОТОРЫЙ
ЛЮБЛЮ**

СЕВЕРНО-
ЗАПАДНОЕ
КНИЖНОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО
1966



Виктор Коротаяев родился в Вологде в 1939 году. Там же окончил среднюю школу и пошел работать на производство.

В 1958 году поступил на историко-филологический факультет Вологодского педагогического института, после окончания которого в 1963 году был призван в ряды Советской Армии.

Стихи В. Коротаяева печатались в областных и центральных газетах и альманахах, в журналах «Север», «Звезда», «Советский воин». В 1963 году в Вологодском книжном издательстве вышел сборник его стихов «Экзамен».

«Мир, который люблю» — вторая книга В. Коротаяева, подтверждающая, что перед нами поэт искренний, зорко всматривающийся в окружающую его действительность. Любовно и зримо изображает В. Коротаяев людей труда, чьи ладони «как трудовые книжки, где каждая строка имеет вес». Много стихов сборника посвящено и тем, кто верно и честно выполняет свой воинский долг перед Родиной. Поэт смело обращается к острым, конфликтным вопросам. Книга его стихов проникнута молодостью, задором, жизнеутверждением.

* * *

Я люблю этот мир,
Где свистят
 озорные синицы,
Где я креп и мужал,
Где друзей и восходы
 встречал.

Я люблю этот мир.
И ночами мне часто
 не спится,
Потому что влюбленным
Не спится теперь
 по ночам.

Вдруг опять ощутишь,
Как земля
 тишиною
 объята,

И глядит
 снова
 мир
Напряженно
 эпохе в лицо.

*Мир, который люблю,
Он в руках у людей, как граната,
Как граната, с которой
Пока
 не сорвали
 кольцо.*



ИДУТ
ГРУЖЕННЫЕ
МАШИНЫ

* * *

Идут груженные машины
В густой испарине дождя,
И, как натянутые жилы,
Моторы старые гудят.

Идут машины,

жерла света

Уставив в черноту лесов,
Сползают в хлюпкие кюветы,
Ломают радуги рессор...

А где-то,

блеска не роняя,

С одним лишь ветром на возу

Порожняки, во тьму ныряя,

Пронесятся на всем газу.

Летят прямым просторным трактом

Без напряженья и забот.

...О жизнь моя,

Не дай мне так вот

Перелетагь из года в год.

Пускай мне медленно и круто

Идетя общим большаком —

* * *

Вот и снова я в родной стихии,
Где мычат коровы со двора
И с поленниц

петухи лихие

Зычно надрываются с утра.
Снова подает мне ужин бабка,
Называет бережно сынком,
Подо мною —

струганая лавка,

Преодо мною —

каша с молоком.

Да и сам я весь какой-то новый —
На душе свежо и высоко,
Словно после дождичка грибного
Побродил по травке босиком.
Мужики на стульях, как на тронах.
Все басят про хлеб и поросят.
Их полусуконные короны
По стене на гвоздиках висят.
Надо полагать,

что мы до чарки

В баньке наведем покруче таз,
И мочалки,
 злые, как овчарки,
Яростно набросятся на нас.
А потом до самой поздней ночи
Прогудит и пропоет изба:
Что же вы, соколики-сыночки,
Заритесь на белые хлеба.
Может, вас деньга приворожила,
Улицы в асфальте и огне,
Али образованность отшибла
Память о родимой стороне.
И в который раз поймется с песней
То, что я вовеки не предам:
Солоно —
 но лишь бы с ними вместе,
Тяжело —
 но только пополам.

В ПОДШЕФНОМ КОЛХОЗЕ

В недалеком подшефном колхозе,
С усталости злы и грубы,
Мы кольца на изгородь возим
И намертво ставим столбы.
Мы землю лопатами роем
И слышим, как бьются сердца.
Нам кажется даже порою,
Что делу не будет конца.
Но вот председатель в фуфайке
Мольбой пронимает нутро:
«Мол, только, братки, докопайте —
Навеки запомню добро».
Он смотрит с мучительной болью
И комкает кепку в руках:
«Скотине уж скоро на волю,
А тут не у шубы рукав»,
И мы,
 понимающе глядя,
Не чешем зазря языки:
«Ну, ладно...
Ты только нам, дядя,

Ведерко водички подкинь».
И снова,
Не вытерев губы,
Откинув сырые чубы,
Мы землю лопатами рубим
И намертво ставим столбы.
К обеду закончив работу
И сунувшись в свежую тень,
Следим мы за птичьим полетом
И сами парим в высоте.
И радость вливается в тело,
С того ли, что солнце не жжет,
С того ли, что доброе дело
Без радости
Не живет.

Не брезговал уже домашним квасом,
Садился без ужимочек к столу
И с бабкиным соломенным матрасом
Устраивался к ночи на полу.

Он к мужикам ходил,

уже в мальчишках

Пахавшим землю и валившим лес.

Ладони их,

как трудовые книжки,

Где каждая строка

Имеет вес.

Нет, все не даром:

обтиранья снегом

И чтение с лампой в полутемноте...

Я понимал, шагая за телегой,

Что уезжаем мы уже не те.

Деревня одарила нас богато,

Как щедрая и честная родня:

Здоровьем несгибающимся —

брата,

И зреньем возвратившимся —

меня.

Я ДОМОЙ ПОГОСТИТЬ

Я домой погостить.

И штаны позаштопать и свитер.

Не одни сапоги

измолот я в болотном краю.

Я домой погостить.

Вы глядите, пижоны, глядите

На упругую

с легкой развалкой

лихую походку мою.

Я по городу шествую

в шапке и катанках рыжих.

Весь пропахший сосной.

Излучаю березовый звон,

Шелест горьких осин...

Впрочем, где вам понять это?

Вы жэ.

И траву-то видали

лишь запертой в пыльный газон.

Вам своих гардеробов вдыхать нафталиновый

запах,

Вам с тоскою смотреть в свое завтра,

как в мутную марь,

Вам не слышать вовек,
как в еловых запутавшись лапах,
Затрепещется вдруг
замечтавшийся, видно, глухарь.

Не ночевывать вам
ни в стогах, ни в суслонах на поле,
Не встречать с петухами
с боков подрумяненный день

И по звучным стволам
под мужицкие шуточки с солью

Не звенеть топором,
рукавицы заткнув за ремень.

Потому глухоманью,
где некому выбрать брусники,

Мне дано это право:
с незлою душой мужика

На всегдашние ваши бега
и возню из-за модной пластинки

Поглядеть снисходительно,
даже чуть-чуть свысока.

А на сердце моем —
будто снова скворцы прилетели.

Я иду широко
и бедовой не гну головы.

На отросшей моей бороде
неопавшие звезды метели

И влюбленные взоры мальчишек,
что будут умнее,
чем вы.

* * *

537626

Река работала, как лошадь,
В оглоблях тесных берегов.
Она несла такие ноши,
Что мыло падало с боков.
Косилась охровая осень
На вороную масть воды,
И, как несмазанные сси,
Скрипели грузные плоты.
Река пыхтела от натуги
Перед горушкою любой,
Мосты железные, как дуги,
Неся высоко над собой.
И плотогоны в кепках пегих,
Поток за холку взяв рукой,
Стояли, будто на телеге,
Расставив ноги широко.
Река несла свой жребий стойко
И продолжала трудный путь,
Мечтая в бухте, словно в стойле,
Хотя б часок передохнуть.

* * *

Леониду Беляеву

О, если б мы, добры и чутки,
Смогли увидеть на момент
В сосне не будущие чурки,
А музыкальный инструмент.
В благодарении за светлый,
Хотя и мимолетный взор,
Она настроила бы ветви
На очищающий минор.
И, золотясь на свежей мете,
От счастья б таяла смола,
Когда бы мягко взялся ветер
За гриф певучего ствола...

Но все не тем забиты души.
И потому который год,
В себе обиженно замкнувшись,
Сосна шумит,
А не поет.

* * *

Доверчивым сердцем славянским
Беспечная стайка берез
Осеннюю щедрость и ласки
Опять принимает всерьез.
И бросив другие занятия,
С рассвета и вплоть дотемна
Березки

по вкусу и стати
Себе подбирают тона.
Счастливо шумят на опушке,
Красуясь у всех на виду,
Как будто забыли простушки,
Чем кончили
В прошлом году.

ОСЕНЬ

Врали, что чудес на свете нету!
Словно совершая ритуал,
С тонких веток крупные монеты
Падают на мокрый тротуар.
И влюбленно глядя на природу,
После производственных забот
Слесарек с соседнего завода,
Будто царь,

по золоту идет.

Что сейчас он думает, не знаю.
Только я октябрьским светлым днем,
Видя, как березы догорают,
Не могу не думать о своем:
Если бы и нам на белом свете
Жить вот так,

сгорая на ветру,

Чтобы даже собственною смертью
Приносить на землю
Красоту!

* * *

Вы знаете: у нас уже зима
С наметившейся прочностью в природе.
Стоят дома —
Не то, чтоб терема.
Но по фасаду —
Что-то в этом роде.
Особенно когда издаleка
На дом посмотришь —
 мать моя родная! —
Ни трещинки на бревнах,
Ни сучка,
И в стеклах блеск,
И крыша золотая.
Зима.
И, подтверждая это,
Яр,
Валит над полом от порога пар.
Шофер, в печи орудуя ухватом,
Велит жене поставить самовар,
Чтоб попить чайком
И радиатор.

С утра на поле зыблется туман,
И сквозь него,
 минуя огороды,
Трехмачтовые бурые зароды
Дрейфуют в Ледовитый океан.
А у заборов, строгие на вид,
Отлитые из холода и света,
Сугробы поднялись, как постаменты,
Хоть всадников из бронзы станови.
И через сито веток — здесь и там —
Березы,
 обнажив по локоть руки,
Просеивают снег,
А по утрам
Процеживают солнечные струйки.



Порой из душных кинозалов
Выходим мы,
Билеты мнем,
Друг другу говоря глазами
О равнодушии своем.
Но не ложится нам в постели,
Тревога мучит без конца:
Ужель так рано отупели
От пресыщения сердца.
Как будто было все на месте:
И строящаяся страна,
К тому ж лирическая песня,
Что популярной стать должна.
И секретарь там —
 бывший плотник,
В венце почтительных седин,
Безукоризненный работник
И безупречный семьянин.
А холод копится с годами
В сужденьях наших и глазах.

Но вот однажды попадаем
 Мы в тот же самый кинозал.
 Глядим, как на морозе лютом
 Шоферы грезят о печах,
 Как люди радуются
 Утром
 И тихо плачут
 По ночам.
 И как парторг —
 не на пирушке,
 А взрывом страсти побежден,
 Влюбляется в одну девчущку
 И мокнет с нею под дождем.
 И после долго сам с собою
 Ведет незримые бои
 И с обессиленной душою
 Уходит все же от семьи.
 И мы — не плаксы и не рохли —
 Уверимся в который раз,
 Что наши души
 Не засохли,
 И дело тут
 Совсем не в нас.

Что любят пошататься на досуге
По заповедникам чужой души.
Она с тоской глядит из-под ручонки
В густую синь, где утром над рекой
Под радугою

жаворонок тонкий

Звенит, как колокольчик под дугой.
А мать ее уверена, что в мире
Ни у кого не отнимает сна,
Что пьяная неприбранность в квартире
Неопытному взгляду
Не видна.
Что рук, пропахших ядом папиросным,
Ребенок не заметит в суете...
О, детская недальнозоркость взрослых,
О, взрослая внимательность детей!
Мне страшно вечерами за девчонку,
Что, не доев проквашенные щи,
Летит из дому испугнутым щуренком
От шоколадок
Ласковых мужчин.
И чувствую я словно по наитью
Немую скорбь ее открытых глаз,
Когда она попросит:
«Дядя Витя,
Я посижу немножечко
У вас».
Мы увлеченно с ней картошку чистим,
Разглядываем корки толстых книг.

Но совестно и зябко мне при мысли,
Что грозно надвигается тот миг,
Когда она,

потупившись упрямо

И нервно что-то комкая в горсти,

Святое от рожденья

Имя «мама»

Не сможет

В первый раз

Произнести.

* * *

На первый взгляд —

Других не хуже,

В кругу хозяйственных хлопот
С внимательным и верным мужем
Негромко женщина живет.

Ее черты чисты и тонки.

Как хороша она собой.

Ей хочется иметь ребенка,

Но ей отказано судьбой.

По выходным

Оставив мужа

С друзьями за колодой карт,

Она, не пригласив подружек,

Одна уходит в детский парк.

Она садится на скамейку

И смотрит, как—

наискосок —

Детишки

в маленькую лейку

Кладут совочками песок.

И как медлительные мамы,
Не зная про ее беду,
С доверчивыми малышами
Легко колясочки ведут...
Она встает,
 себя ругая,
И все ж,
 не совладав с душой,
Отыщет где-то мальчугана,
Что без родных сюда пришел.
Она разделит с ним ириски,
Побегает вперегонки
И к башмачкам, склонившись низко,
Завяжет бантиком шнурки,
С ним погуляет по дорожке,
А после сядет на траве
И гладит, гладит осторожно
Его по русой голове...

* * *

Умер человек хороший.
Спецы,
Комкая перчатки за спиной,
Заклучили,
Что плохое сердце
Грянувшей трагедии виной.
Чем плохое?
Тем, что слишком рано,
Испытав измену и нужду,
Стало откликаться, как мембрана,
На чужие слезы и беду,
Выносить незрячих из-под ружей,
Слабых укрывать своим плащом...
Может, было б сердце-то похуже —
На сто лет хватило бы еще.

* * *

Шефствуют студентки над колонией,
Покидают замкнутость квартир,
Девочки, пока совсем зеленые,
В Пушкина и Байрона влюбленные
И по ним лишь знающие мир.
Как они на встречи собираются,
Как они волнуются всегда!
И уходят, вытюжив платица,
По субботам с книжками туда —
Где, от шефов скрыв свое отчаянье,
Шумно обступают их кольцом
И попавшие сюда нечаянно
И кому тюрьма —

родимый дом...

Девушек смущают взгляды долгие,
Ведь одна из них — дитя на вид.
Но она приходит к той,
С наколками,
И о жизни с нею говорит.
Путается девочка в словах еще:
Женщина по возрасту ей мать.



ЖЕЛЕЗНОЕ РУСЛО

* * *

На цыпочки встань над пластами
Годов — и на миг ослепит
До сини морозное пламя
Косых эскадронных копыт.
И нету ни черта, ни бога,
Развеян уют и покой.
Лишь белая пыль над дорогой
Висит, как туман над рекой.
Ах, сколько в обозных телегах
Угасло геройских ребят!
Березы двадцатого века
У них в изголовье горят.
И снова приблизились дали,
Почти осязаема связь:
Отцы наши землю взрывали,
А пыль оседает
На нас.
И нам, землепашцам и зодчим,
Принявшим отцовский завет,

Доверено жизнью

закончить

Задуманный ими портрет.

И той же ведомые страстью,

Забыв про уют и рубли,

Мы ищем под глиной и грязью

Алмазное сердце земли.

За нами сутулятся краны,

И рвы посреди солонцов

Темнеют, как шрамы.

Но шрамы,

Которые красят лицо.

Признаньем и давним почетом

Оплачен и поднят наш труд.

И все-таки, видимо, в чем-то

Издержки

потомки найдут.

Но суть не в оставшихся сохах,

А в том, что, меняя житье,

Мы жили в большую эпоху

И были достойны ее.

* * *

Солдаты действительной службы,
Привыкшие, в грудь не бия,
Эпохи заботы и нужды
Уверенно брать на себя.
Любимцы рассветной России,
Романтики,
 чья борода —
Сокровище в три волосины,
Стоящих в четыре ряда.
Мальчишки, что к веку причастность
Познать не успели до дна...
Но разве свою безопасность
Мальчишкам доверит страна?
А смысл корневой не заложен,
Что, в завтра идя напролом,
Мы самые тяжкие ноши
На плечи любимцев кладем.
Не зная в боях передышки,
Врагов изумляя подчас,

Мужчинами

эти мальчишки

Себя показали не раз.
Под грохот фасованной стали
Они в назиданье векам
С одними колами вставали
Навстречу германским штыкам,
Они озирали недобро
Забрызганный кровью подвал,
Когда им прозрачные ребра
Обдуманно обер ломал.
Заряжены гневом и мщеньем,
Они и под дулом тупым
Сражались плевком и презреньем —
Последним оружием своим.
А помня об этаким, нужно ль,
Ведя к современности нить,
Солдатам сегодняшней службы
О долге еще говорить.

ПРОВОДЫ НОВОБРАНЦА

Парень все смеялся да пошучивал,
Веселил друзей, покамест мог,
А теперь, воспользовавшись случаем,
Отошел к окну
Да приумолк.
Мать,
Разлуку чувствуя заранее,
Высморкалась в фартук второпях:
Кто-то знает, скоро ли свиданье,
Да и свидятся ль они опять.
А отец,
 под Минском изувеченный,
Поднял стопку белого вина:
«Полно, мать.
Реветь покуда нечего
Не на век уходит.
Не война».
Говорит,
 словам своим не веруя.

Память-то нет-нет да подтолкнет:
«Вспомни,
Как весной сорок первого
Ты твердил,
Что мирным будет год».

* * *

Я был рабочим, стал солдатом.
Поняв со службой заодно,
Как начинать

на двадцать пятом,
Что в девятнадцать суждено.
Я жил,

входил в цеха с рассветом,
Я на добро платил добром
И не вилял перед ответом,
Когда вопрос вставал
Ребром.

Я понял, что в шестидесятих
На случай мира и войны
Не солдафоны,
А солдаты
Державе крепнущей нужны.
Без сокрушенных охов-ахов
Я встал в шеренги тех ребят,
Кто начал ей служить
Как пахарь
И продолжает
Как солдат.

От дела кровного оторван,
И посейчас боюсь весны:
Как обруч, стягивают горло
Воспоминания и сны.
И только вера кормит силы,
Что это время все — до дня —
Небесполезно для России
И небесследно для меня.
И автомат стрелковой роты
Беру я, помня об одном:
Что не успел сказать работой,
То можно досказать — огнем.

* * *

Казарма пахнет не духами,
Не ландышем после грозы.
Казарма пахнет сапогами
Из густо смазанной кирзы.
Казарма пахнет жестью банок
С ружейным маслом пополам
И прелью саржевых портянок,
Царящей ночью по углам,
Не первым потом гимнастерки,
Подзолом тропки полевой
И зноем стрельбища,
И горьким,
Горелым порохом его.
Эпохой призванные дети,
Мы дышим этим — без нитя —
Державным запахом столетья
И кислородом бытия.
Им,
 как огнем пещерный предок,
Мы дорожим не от того,
Что нам

Черемуховых веток

Любее

аромат его.

Но только с ним и нерушимы,

Волнующие нам сердца

И свежесть матовых кувшинок,

И острый запах чебреца.

* * *

Мы моем пол и помним о порядке.
Мы помним здесь о нем, как никогда.
Дежурный нам вручил тазы и тряпки —
Новейшие орудия труда.
Ни разъяснений

и ни оговорок.

У моющих полы:

в такие дни

Открыты ворота у гимнастерок

И скатаны

пружинами

ремни.

Давно ручей струится меж лопаток.

И, как в пустыне, высохло во рту,

А вычесьь бы:

какой у нас десяток

Квадратных километров на счету.

До дыр истертый,

пол уже лоснится.

Но вот сержант — стараньем знаменит —

Черкает каблуком по половице

И предлагает воду

Заменить.

Мы набираем светлой и лучистой

И снова с тряпкой лезем под кровать.

... Я, может, здесь

впервые научился

Перед порогом

ноги вытирать.

УЧЕНЬЯ

Полк на рассвете поднят по тревоге.
Казарма оглушительно гремит.

И автоматы

в свернутые сроки

Разобраны из длинных пирамид.

Вытаскивают ящики наружу,

Мотая вещмешками на горбе,

Товарищи по грозному оружию

И братья по неласковой судьбе.

Они несутся с хлюпаньем по грязи,

В сухой гортани сдерживая хрип,

И ходят на щеках противогазы,

Как жабры задыхающихся рыб.

Весь гарнизон поставлен на колеса.

И словно в деле

с нами заодно,

Деревья маскируются под осень,

А небо —

под шинельное сукно.

А вездеходы мелют на опушке.

Тенистую лесную тишину...

И дети
Забывают про игрушки,
Когда играют взрослые
В войну.

* * *

Не чья-то властная немилость —
От ровной жизни и тепла
Жестокая необходимость
Ребят в казармы привела.
Надев казенные рубахи,
Как это требует закон,
Они исправно чистят бляхи
И бьют подковами бетон.
Не позволяя сердцу киснуть,
С упрямством истых северян
Неунывающие письма
Ребята пишут матерям.
Прилежно бодрствуют на вахте:
Мол, что нам стоит — молодым!
Но вдруг
 ржаной ломоть
 запахнет
Росой
 и полюшком родным,
Где опоясавшись кустами,
Избенка смотрит на овсы

И звоном рюмочек хрустальных
Звенят старинные часы.

И мать,

Уняв свою кручину,

Невыплаканную в ночи,

Все щеплет звонкую лучину

У нерастопленной печи.

Воспоминания солдата

Чинят нередко самосуд:

Они под сердце бьют как надо,

И нервы рвут,

И спины гнут.

А парни лишь считают годы

И слышат:

боли не тая,

По ним режут гудки заводов

И сохнут травы

И поля.

* * *

Месяц в небе, как странник горбатый,
Ночь просторна, тиха и ясна.

Уморясь, засыпают ребята
В предвкушеньи хорошего сна.

Им приснятся стога за рекою

И копыта гнедых кобылиц,

И навеют скрипучие койки

Милый скрип

избяных половиц.

И приснится лицо молодое,

И коснется щеки невзначай

Материнской шершавой ладонью

Одеяла суконного край.

Спят ребята светло и устало.

Завтра утречком

в царстве своем,

Старшина,

с разрешенья устава,

Задержи на минутку подъем.

Пусть они постоят на пригорке,

Пусть растут в цветочной дали

Их в два яруса

жесткие койки,

Как двухпалубные корабли.

Дай парням подышать свежей смолкой.

Ты ведь знаешь, как старый солдат,

Что армейские сны

еще долго

Будут дома тревожить ребят.

СНЕГ

Для вас снежинки — праздник света.
Лови ладонью — и добрей.
Как мотыльков, их тянет слепо
На свет вечерних фонарей.
Снег в радость вам.
У вас он редок.
И женщины, стыдясь причуд,
Тайком его с пушистых веток
Губами теплыми берут.
А мы подряд который месяц
В полярном сумраке рябом
Кирзухами метели месим,
Лопатами буран гребем.
Не то, чтоб, отрокам служивым,
Нам красота не дорога,
Но как-то не видать снежинок,
Когда вокруг снега, снега...
Они просвистывают сосны
И в гиблой темени ночей,
Как нервы, рвут стальные тросы
У изнемогших тягачей.

Не велика для нас потеха
В снегах с машинами ползти,
Коль пять шагов на них проехав,
Полсотни —

 надо пронести.

И то, что многим — праздник света,
Нам — неразношенный хомут.

...Не знаю,

 как насчет поэтов,

Но дворники
Меня поймут.

* * *

Третий год я живу среди камней
Под тяжелой каменной тенью,
Чтоб скорей научиться и мне
Молчаливости их
И терпенью.
Потому я давно по ночам —
Как признание за честность усилий —
Слышу явственно возле плеча
Вековое дыханье России.
Я теперь понимаю почти,
Сколько надо —
 не ради оваций —
Сделать, вынести, смочь и пройти,
Чтобы сыном России назваться.

* * *

Мир стал объясним и обычен:
И воды колючи в ручьях,
И красные перышки лычек
Горят на сержантских плечах.
И сам я,

за долгое лето

Протопавший столько дорог,
Давно позабыв про штиблеты,
Не чувствую веса сапог.
Повянув от пыли и зноя,
На четверть стесав каблуки,
В суровой гармонии строя
Звучат и мои сапоги.
Угрюмым терпеньем заряжен,
Давно не ропщу на удел.
Уже, не соврав, и не скажешь,
Что мало я каши поел...

* * *

Матери рожают не солдат,
Матери рожают хлеборобов,
Докторов,
 врачающих хворобы,
Скрипачей,
 что так светло грустят.

Путь ребят осмыслен и велик.
Но однажды от смычков и книг
Забирают их военкоматы.
Вот и получают — солдаты.
Привыкают мальчики к стрельбе.
Роят землю,
Мерзнут у орудий;
Зная, что солдаты —
 это люди,
Не принадлежащие себе.
Но шинель не на век тяжела.
Парни к пирогам и чистым блюдам —
Нет войны —
 когда-нибудь вернутся,

Только бы судьба не подвела.

Матери ж —

как будто их сынки

Вызваны на срочные работы —

Гладят их рубашки по субботам

И ворчливо чистят пиджаки.

Спят.

И снова ждут своих ребят.

Страшно не дожидаться им однажды.

Потому,

любви и мира жажда,

Матери

Рожают не солдат.

* * *

О вера наших матерей,
Вовек не знающая меры,
Святая трепетная вера
В нас,
Подрастающих детей.
Ту веру, как струю в реке,
Не вытравит ничто на свете:
Ни кобры двоек в дневнике,
Ни злые жалобы соседей.
Уж матери такой народ —
Вздохнут,
Нас долгим взглядом смеря:
«Пусть перебесятся, пройдет», —
И снова верят, верят, верят.
И дышат тем счастливым днем,
Когда мы прочно встав на ноги,
Вдруг все увидим,
И поймем,
И с честной не свернем дороги.
Так верят матери одни,
Взыскательно и терпеливо.

И — некрикливые — они
Не почитают это дивом.
А просто нипочем года
Их вере, преданной и нежной.
Вот только мы-то
Не всегда
Оправдываем
Их надежды.

* * *

Нынче снова дождь хлестал по окнам,
И опять, тоскою обуян,
Всю-то ночь

ворочался под боком,
Маясь, Ледовитый океан.

Видно, и ему,

своим туманом

Простужающему города,
Сквозняки осенних расставаний
Тоже не проходят без следа.
Потому мне так понятны нынче,
Как ты их умело не таи,
Милые, застенчиво-девичьи
Страхи беззащитные твои.
Да и я в прощальное свиданье
Отшутился на твою слезу:
«Самых синих северных сияний
Я тебе на платье привезу».
Добрая, прости мне эти муки,
Не суди за нынешний уход.

Снегом затянувшейся разлуки

Трижды

георгины занесет.

И пойми, что к сопкам нелюдимым

Не от глаз твоих я убежал:

Просто до тебя, моей любимой,

Я себя

России обещал.

* * *

Мне так тебя встречать не хочется,
Что, стиснув ядра кулаков,
Себя

 в остроге одиночества
Упрятал я за семь замков.
И чтобы не взбрело мне в голову
Искать твой отчужденный взор,
От выходов

 ключи тяжелые
Я нынче выкинул во двор.
Но стоит

 сквозь окно
 на улице
Вдали узнать мне твой наряд —
Все зареканья позабудутся,
И двери
 с петель
 полетят.

* * *

Словно счастье и муку,
Словно радость и боль,
Я беру твою руку
И иду за тобой.
Ты вместила всю землю
Для меня навсегда.
Ты и горькое зелье,
И живая вода.
Мне страдать и надеяться,
Верить новой весне.
Ты, как речка из детства,
Вечно слышишься мне.
В этом стираном ситце,
Что расцвел на тебе,
С лепестком медуницы
На капризной губе.
То добра и беспечна,
То крута и строга.
Не во всем безупречна,
Но всегда —
дорога.

ЖЕНЩИНЫ

Им обрученье было отреченьем
От солнышка, от песен и подруг,
Бывало обрученье обреченьем
На умирание от слез и мук.
И — гордые — не плача при народе
И сердца не поведав никому,
Они входили в церковь,
Как заходят
В пожизненную темную тюрьму.
А вечером в хмелеющей беседе
Старались улыбаться при гостях,
Но слышали, как цепкие браслеты
Бряцали кандалами на кистях.
И знобко билось сердце под рукою,
Когда, губами старчески жуя,
Их уводили в дальние покои
Подагрой пораженные мужья.
Там от прилива храбрости шалея,
От близости доступной красоты

ТАЙНА

Парнишкою прожито мало,
Парнишке четырнадцать лет.
Сегодня впервые нарвал он
Пахучей сирени букет.
И я,
Может это и лишне,
Киваю хитро на цветы:
«Открой, для какого мальчишки
Букет заготавливал ты?»
Он сбит с равновесия явно
И что-то бормочет под нос.
И я понимаю, что —
Тайна
И сам заминаю вопрос.
И я вспоминаю:
Давно ли,
Житейских не ведая дел,
Он, кроме футбольного поля,
И знать ничего не хотел.
И веря, что так им и надо,
Девчонок за косы трепал.

* * *

Крутые отрицатели покоя,
Трудясь,
Борясь,
Мы говорим опять:
Уж коли, счастье, то давай такое,
Чтобы двумя руками
Не поднять.
Мы меньшим радостям почти не рады,
И нас в таком не убедить вовек:
Мол, где же их возьмешь
таких громадных
Для стольких миллионов человек.
И все-таки
Под шорох мокрых листьев
И светлый шелест родниковых струй
Спасибо тебе, милая,
За чистый;
Единственный
Далекий поцелуй.

* * *

Вновь у меня кружится голова,
Распахнуты глаза для удивленья,
И я ловлю, как бабочек, слова,
Что спят на чутких стеблях вдохновенья.
Я к ним крадусь, не шелохнув листа
И нетерпенье сдерживая еле,
Я к ним крадусь,

на цыпочки привстав

И сняв ботинки, чтобы не скрипели...
И вот одна, которая нужна,
Как русской песне удаль и кручина,
Я чувствую, как празднична она,
Хотя пока и смутно различима.
К ней тянется уже моя рука.
Я больше в мире ничего не вижу.
Рывок.

В ладони влажный хруст цветка,
А бабочка

взвивается все выше.

* * *

Надежды падают, как звезды,
В колодец непроглядной мглы,
Где глух и вязок

тесный воздух

И стены скользки и гнилы.

И я порою чуть не плачу,

Потупив в горечи глаза:

«Еще одной звездой, значит,
Беднее стали небеса».

Но есть у молодости свойство,

Что можно смело приравнять

По сути

К подвигам геройским:

После любых потерь —

Вставать.

И смотришь — где былая хлипкость?

Глаза открыты и чисты,

И та же на губах улыбка

Доверия и доброты.

И бездна планов, как и прежде,
И каждый
 прежнего
 смелей.

... И в новых звездочках надежды
Все небо юности моей.

Я СТРОЮ ГОРОД

Я строю город.
Он велик и прост,
Хоть строится от центра до околиц
Из режущего блеска зимних звезд
И маяты мучительных бессонниц.
Я различаю города черты,
И он меня загадочностью манит:
В тумане проявляются мосты
Над чистою рекой моих желаний.
Уж в полный рост предстали на виду
И утреннее небо озарили
Сверкающие солнечные шпили
Моих стремлений, помыслов и дум.
Я чувствую, как воздух чист и свеж,
Как синева блестит на небосводе,
И женщины красивые проходят
По светлым улицам моих надежд.
Уже в цветочных клумбах пустыри.
И в сумраке, что призрачен и зыбок,

Весь город освещают фонари
Невымученных дружеских улыбок.
Он будет этот город.
Будет, да!
Я тороплю минуту завершенья.
Уже гудят над сердцем провода
Высокого — до дрожи — напряженья.
И по заветным строгим чертежам,
Где каждый угол вымерен раз по сто,
Осталось лишь последним этажам
Встать на фундамент моего упорства.
А там, от новой радости крылат,
Как дирижер, раскованно и гордо,
Взмахну рубиновым лучом восхода —
И тротуары вслух заговорят.
Все будет так,
Но чтобы стало так —
Мне жить лишь этим будущим мгновеньем.
Есть в мире полоса: за ней терпенье
Нужнее и смелее всех атак.
Любая драка не страшна мне, нет.
Но нынче каждый нерв и час мне дорог:
Я будущий в себе спасаю город,
Что должен наконец увидеть свет.
А встанет он — и все мне нипочем.
И мой черед настал,
И я сумею
Достойно встретить всех, кто лишь посмеет
К его воротам подступить с мечом.

СОДЕРЖАНИЕ

«Я люблю этот мир...»	3
Идут груженные машины	
«Идут груженные машины...»	7
«Вот и снова я в родной стихии...»	9
В подшефном колхозе	11
«Рос брат мой жидковатым и тщедушным...»	13
я домой погостить	15
«Река работала, как лошадь...»	17
«О, если б, мы, добры и чутки...»	18
«Доверчивым сердцем славянским...»	19
Осень	20
«Вы знаете: у нас уже зима...»	21
«Порой из душных кинозалов...»	23
Лариска	25
«На первый взгляд — других не хуже...»	28
«Умер человек хороший...»	30
«Шефствуют студентки над колонией...»	31
«Ребята из средней России...»	35

Железное русло

Высокие слова	36
«На цыпочки встань над пластами...» . . .	37
«Солдаты действительной службы...» . . .	39
Проводы новобранца	41
«Я был рабочим, стал солдатом...» . . .	43
«Казарма пахнет не духами...».	45
«Мы моем пол...»	47
Ученья	49
«Не чья-то властная немилость...» . . .	51
«Месяц в небе, как странник горбатый...» .	53
Снег	55
«Третий год я живу среди камней...» . . .	57
«Мир стал объясним и обычен...».	58
«Матери рожают не солдат...»	59
«О вера наших матерей...»	61
«Нынче снова дождь хлестал по окнам...»	63
«При любой погоде-непогоде...»	65
«Мне так тебя встречать не хочется...» .	66
«Словно счастье и муку...»	67
Женщины	68
Тайна	70
«Крутые отрицатели покоя...»	72
«Вновь у меня кружится голова...» . . .	73
«Надежды падают, как звезды...»	74
Я строю город	76

Коротаев Виктор Вениаминович.

Мир, который люблю. Сев.-Зап. кн. изд.
1965.

80 стр.

Редактор А. И. Лёвушкин

Художник Е. А. Букреев

Техн. редактор С. И. Соколова

Корректор А. А. Фонтейнес

ГЕ00522.

*

Подписано к печати 19.10.65. Бумага 60×84¹/₃₂.
Бум. л. 1,25. Печ. л. 2,5. Уч.-изд. л. 1,6. + 1 вкл.
Тираж 8000. Цена 10 коп. Заказ 5751.

Областная типография, Вологда, ул. Калинина, 3.